

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение
высшего образования
«Самарский государственный институт культуры»

НАЦИОНАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Материалы VI Всероссийской
научно-практической конференции
в рамках VII Всероссийского конкурса-фестиваля
исполнителей и балетмейстеров
народного танца имени Геннадия Власенко

29 марта 2018 г.

Самара 2018

Четырина Н.А.¹

Практика наследования при отсутствии письменных распоряжений в первой половине XIX в. (по протоколам ратуши Сергиевского посада)²

Аннотация. Материал содержит информацию об обстоятельствах и практике наследования или раздела имущества при отсутствии письменных распоряжений (завещаний) в разных ситуациях: при внезапной кончине, при бездетности супругов, в случае устных распоряжений собственников.

Ключевые слова: Сергиевский посад, имущество, семья, право, наследство, внутрисемейные отношения.

Chetyrina N.A.

The practice of inheritance in the absence of written orders in the first half of the XIX century (according to protocols of the town hall Sergiyevskiy Posad)

Abstract. The material contains information about the circumstances and practices of inheritance or division of property in the absence of written directives (living wills) in different situations: when sudden death, with the childlessness of the spouses, in the case of oral orders of the owners.

Keywords: Sergiyevskiy Posad, property, family, law, inheritance, family relations.

Одними из направлений современной историографии дореформенной России являются изучение семьи и внутрисемейных отношений, а также история городов [7]. Актуальным становится анализ семейно-правовых актов, к числу которых относятся духовные завещания, раздель-

¹ **Четырина Наталья Аркадьевна**, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва).

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 17-01-00368 а(р) «Частно-правовые внутрисемейные акты в документах ратуши Сергиевского посада (1793-1866 гг.). Тексты и комментарии».

ные, свадебные акты и другие документы, раскрывающие специфику внутрисемейных, прежде всего, имущественных отношений горожан. С получением наследства связаны многие ситуации, в том числе возникающие из-за отсутствия письменных распоряжений покойных собственников. Образовавшуюся из-за этой причины лакуну могут заполнить протоколы (решения) учреждений местного самоуправления, в которые, прежде всего, обращались заинтересованные лица. Именно таким учреждением местного самоуправления в Сергиевском посаде, представлявшем собою городское поселение, не являющееся административным центром, была ратуша – аналог городского магистрата. Это свидетельствовало о признании реального значения данного торгово-ремесленного центра, поскольку даже в некоторых уездных городах на окраине страны до середины XIX в. «не было создано ни дум, ни ратуш, ни магистратов» [10, с. 250]. Городская ратуша выполняла нотариальные функции, наряду с административными и судебными, до реформы 1866 г. Впоследствии крепостные книги городских ратуш, в которых фиксировались сделки на недвижимое имущество, поступали в нотариальные архивы, формировавшиеся во второй половине XIX в. [11, с. 26].

Протоколы – это итоговые документы, в которых воспроизводился весь процесс рассмотрения вопроса, начиная с изложения письменного прошения, опросов свидетелей и заинтересованных лиц, сделанные запросы в различные учреждения и полученные из них ответы, а также собственно мотивированное решение с обязательными ссылками на статьи законов, дополненное требованием об уплате полагающихся пошлин. Протоколы обязательно подписывались членами присутствия (бургомистрами и ратманами), заверялись секретарем. Кроме этого, оригиналы протоколов зачитывались публично («при открытых дверях») заинтересованным лицам, и они удостоверяли этот факт своими личными подписями в конце документа. Эти источники демонстрируют, как именно менялась, усложнялась практика передачи имущества, как сам процесс, по мере усложнения, становился дороже для просителя.

В 1806 г. 14 мая «скоропостижно на дороге, не дойдя до посада, умерла купеческая жена вдова Агафья Федорова Латкина». Узнав об этом скорбном событии, ратуша принимает решение отправить ратмана А. Толстухина для описи ее имения. Опись имения сохранилась в журналах ратуши [2, л. 23]. Там среди имущества в сундуке названы два чрезвычайно важных документа: духовное завещание купца М.А. Латкина в пользу жены А.Ф. Латкиной 1793 г. и раздельная вдовы А.Ф. Латкиной с пасынком мещанином К. Латкиным 1796 г. (оба документа не сохранились). Уже через два дня 16 мая объявившийся наследник – племянник покойной московский ямщик П.И. Шкиркин подал прошение о выдаче ему и его трем сестрам оставшегося имущества. К своему прошению племянник приложил родословную, засвидетельствованную местным купцом И.С. Кожевниковым. После запроса в полицейскую часть, ратуша убедилась, что «кроме их [Шкиркина и его трех сестер. – Н.Ч.] ближайших наследников никого не имеется, а что они точно родные племянники, в том уверяет здешней купец Илья Кожевников, других же окромя их еще из наследников никто в сию ратушу не явился, да и других дел на умершую Латкину в ратуше не оказалось». По этой причине уже 17 мая состоялось решение ратуши о выдаче оставшегося имения под «росписку» просителю Шкиркину, на следующий день протокол был подписан и имущество выдано. Все произошло не просто быстро, а беспрецедентно стремительно. Запрос в полицейскую часть и ответ из нее состоялись в течение одного дня, Предоставленная родословная была удостоверена только одним свидетелем. В протоколе не было отмечено даже взыскания денег за использованную на решение этого дела бумагу, не говоря о пошлинах и тому подобных расходах [6, л. 8-8 об.].

В 1815 г. в апреле умер мещанин Иван Михайлов Бобков. Его дочь мещанка Катерина Егорова по мужу Сафонова только в сентябре 1818 г., т.е. спустя три года (но в пределах определенного законом десятилетнего срока), подала в ратушу прошение о вводе ее во владение имуще-

ством отца (домом с землей) как единственной наследницы. В этом ратушу могли удостоверить 5 свидетелей из числа жителей Сергиевского посада. О причине несоответствия имени отца и отчества дочери сказано не было. Ратуша не только опросила свидетелей, но и запросила остальные присутственные места посада (шестигласную думу, сиротский и словесные суды, полицейскую часть и квартирную комиссию) о наличии препятствий к вводу просительницы во владение названным имуществом. Таковых не нашлось, более того оказалось что по обывательской книге дом с землей уже значится за мещанкой Сафоновой. Наконец 6 июня 1819 г. (т.е. через 9 месяцев после подачи прошения) состоялось решение ратуши, а 21 июня был подписан протокол об утверждении дома с землей за наследницей Сафоновой, о выдаче ей новой данной (документа на право собственности), а также о взыскании с нее указных пошлин и за акт 10 р., а также 14 р. 51 к. за использованную вместо гербовой простую бумагу [4, л. 53-57].

Сохранились несколько протоколов, иллюстрирующих практику ввода во владение в случае бездетной смерти одного из супругов. В этом случае при отсутствии завещания оставшийся супруг мог наследовать одну четвертую часть имущества, остальное возвращалось в род покойного его кровным родственникам. В октябре 1802 г. умер бездетный цеховой Андрей Боков. Его двоюродный брат купец Василий Боков из сострадания к овдовевшей одинокой снохе не торопился вступать во владение имением родственника (деревянным домом со всяким дворовым и хоромным строением, лошадью, коровой, конской упряжью и телегой с окованными колесами). Но вдова вышла замуж и купец В. Боков в августе 1804 г. подал прошение о разделе оставшегося имущества. Ратуша, опросив вдову, убедилась в ее бездетности и отсутствии у нее документов на дом, а затем откомандировала ратмана с ценовщиком для описи и оценки имущества покойного. Как правило, при церемонии описи присутствовали еще «добросовестные свидетели» – представители одной из низших выборных должностей

городского самоуправления, чьей обязанностью было «свидетельствовать, что в деле застали, что видели или что слышали» [8, с. 53-58]. По окончании процедуры с родственника потребовали предоставления родословной с поколенной росписью. Описанное имущество было оценено всего на 40 руб. 30 коп., трижды выставлялось на торги аукционным порядком, но «для покупки желающих не явилось». После изучения родословной и опроса трех свидетелей, ратушей 30 марта 1805 г. было принято решение, а 3 апреля подписан протокол об утверждении за наследниками купцом В. Боковым и его братом имущества покойного цехового А. Бокова с выделением в пользу вдовы по первому браку Боковой деньгами четвертой части. И, наконец, 9 августа 1805 г. (т.е. через год после подачи прошения претендентом) решение было объявлено вдове «при открытых дверях» и подписано вместо нее «за неумением грамоте и писать по ее прошению» доверенным человеком. Никаких пошлинных денег и денег за гербовую бумагу со вдовы не взыскивалось [1, л. 36-39].

Обратим внимание, что описанные казусы не были связаны с какими-либо конфликтами, не являлись спорными случаями. Тем не менее, ввод во владение происходил не моментально, как в случае с наследниками покойной А.Ф. Латкиной. На решение дел по прошениям Сафоновой и Бокова потребовалось времени до одного года.

Более длительное и сложное разбирательство произошло в 1814-1816 гг. [3, л. 17-24]. В январе 1814 г. умер мещанин Прохор Васильев Масалин, после которого остались бездетная вдова Елена Васильева и брат мещанин Николай Васильев Масалин, претендовавший на имущество покойного (каменную лавку на Красногорском рынке, а из недвижимого – платье, посуду, прочие домашние вещи и конскую сбрую). Решить вопрос о разделе имущества между наследниками внутри семьи не удалось, поэтому Н.В. Масалин подал в ратушу прошение в марте 1814 г. После этого ратуша прежде описала и оценила оставшееся имение, стоимость которого составила 433 р. 17 к., и затем выдала его просителю

«под сохранение». Вдова Масалина во время опроса в ратуше сообщила, что получила сполна собственное свое имение и отдала оставшуюся после смерти мужа долговую книгу.

Однако позднее в ратушу обратился соборный иеромонах и казначей Спасо-Вифанского монастыря Павел, сообщивший, что покойный мещанин Масалин получил от него займы 500 р. на выстройку каменной лавки под заклад предметов женского обихода. Никакого документа (векселя, долговой расписки) проситель не предоставил. Кроме этого оказалось, что покойный занял 150 р. под вексель у мещанина Г.Ф. Бурдуньина. Опрошенная вдова Масалина подтвердила факт займа ее покойным мужем денег 500 р. у иеромонаха Павла под залог вещей из своего приданого на постройку каменной лавки. И, хотя наличных денег у нее не было, она согласилась оплатить все сделанные мужем долги при условии передачи в ее пользу всего движимого и недвижимого имущества покойного. Однако и Н. Масалин согласился оплачивать все законные (т.е. по векселям, распискам, лавочным счетам) долги брата, удостоверенные его личной подписью.

Ратуша отказала иеромонаху Павлу во взыскании денег по нескольким причинам, прежде всего по причине отсутствия письменного долгового документа. Вдова Масалина попыталась вернуть заложенные вещи. Она обратилась в сиротский суд. В ее прошении описаны несколько эпизодов использования мужем, по их любовному согласию, вещей из ее приданого для получения денег на постройку каменной лавки: у купецкого сына Е.А. Трегубова под заклад жемчужной поднизи в 165 р., у иеромонаха Павла 500 р., и еще часть ее имущества была продана за 42 р., а всего на 753 р. Обращаясь в сиротский суд, вдова просила наследников выкупить все перечисленные вещи и вернуть ей, а также выдать ей, после оплаты всех долгов, полагающуюся по закону часть наследства мужа. Однако в ратуше подобной просьбы от вдовы не имелось и по этой причине, по мнению ратуши, никаких от нее действий сиротский суд и требовать не мог. Кроме этого, вдова Масалина обратилась в ратушу об отыскании в маклерских книгах записи о засви-

детельствовании полюбовного с мужем условия и выдачи ей копии. Но и этого документа обнаружено не было.

В свою очередь, Н. Масалин сумел договориться с кредитором Г.Ф. Бурдуныным о полюбовной сделке, а также обратился в ратушу за разрешением достроить лавку собственным иждивением, чтобы она не пришла в совершенную негодность «от течи по неимению крышки». Получив разрешение, Н. Масалин, согласно представленным реестрам, истратил 194 р. 60 к. Кроме этого, он выкупил оказавшуюся по закладной у купца Е.А. Трегубова жемчужную поднизь за 200 р. и вернул вдове брата под расписку.

Одновременно с этими событиями ратуша предприняла вызов возможных кредиторов, должников и других наследников покойного мещанина Масалина через публикацию объявлений в публичных ведомостях в обеих столицах. Но в положенный десятимесячный срок таковые в ратушу не явились и своих поверенных не прислали. Сестра братьев Масалиных девица Татьяна Васильева письменно отказалась от своей доли наследства в пользу брата Николая, а сам мещанин Н. Масалин предоставил в ратушу поколенную роспись, заверенную тремя свидетелями.

Наконец, 28 февраля 1816 г. состоялось решение ратуши (подписанное 22 марта, т.е. спустя два года после подачи прошения) об утверждении за Н. Масалиным движимого и недвижимого имущества покойного брата. Что касается указной части вдовы Масалиной, то из цены оставшегося имущества «433 р. 17 к. надлежало б выдать четвертую часть, то есть 180 р. 20 $\frac{1}{4}$ к., но как деверь ее заплатил... за брата... долгов 350р., чemoная вдова Масалина и должна остаться довольною». С Н. Масалина взыскивались за употребленные вместо гербовой 36 листов простой бумаги и «двое печатно пошлинные» деньги. Это не считая взысканных ранее за пять листов по полюбовной сделке с Г.Ф. Бурдуныным. Не совсем ясно, кто оплачивал публикации в газетах, но эти суммы были истрачены еще в 1815 г. при отсылке самих объявлений. В течение двух лет ратуша не менее 20 раз возвращалась к разбирательству этого случая, изучала представленные документы,

описывала и оценивала имущество, неоднократно опрашивала свидетелей, вела делопроизводственную переписку с учреждениями разного уровня, принимала промежуточные решения, цитируя соответствующие случаю статьи законодательства, давала объявления в газетах и вынесла итоговое решение после тщательного соблюдения всех процедурных моментов. Волокита при рассмотрении дел вызывала крайнее раздражение горожан [9, с. 119].

Не менее тщательно принималось решение по делу об имуществе мещанина Я.И. Горбунова [5, л. 70-80 об.], бывшего ратманом в 1813-1815 гг. и умершего в марте 1826 г. Его имение состояло из подлежащего к сломке дома, недостроенной каменной лавки и еще одной ветхой деревянной лавки, а также разных книг, платья и прочего. Его наследницами по закону являлись жена вдова Наталия Андреева и дочь – купецкого сына жена Мария Яковлева по мужу Овчинникова, которая и обратилась с прошением в декабре этого же года в полицейскую часть. Причиной послужили длительная (более 7 месяцев) отлучка матери в Москву и беспокойство как за сохранность имущества, так и за отсутствие сведений о матери. К тому же, с покойного «чинилось взыскание по делу за осеквестирование имения» в бытность его ратманом. Полицейская часть, в свою очередь, в марте 1827 г. обратилась в ратушу. Ратуша организовала опись и оценку имущества, которого оказалось на 403 р., а также публикацию в ведомостях об отыскании наследников мещанина Горбунова и вызове его кредиторов и должников, что обошлось просительнице в 12 р. 45 к. После этого описанное имение было отдано для сохранения М.Я. Овчинниковой под надзор. Выяснилось, что по имеющемуся иску на покойном числится 204 р. 2 к. Кроме этого, Горбунов оказался должным купцу Е.А. Трегубову «по росписке в законной книге» за разный забранный товар 494 р. 66 к. Подлинность росписки была удостоверена дочерью должника, специально вызванной в ратушу. Позднее, в ратушу обратились 11 торговцев, которые совместно с покойным судились с монастырем из-за спора о принадлежности земли под их лавками на рынке. Издержки

по этому делу, причитающиеся на долю покойного, составили 93 р., которые торговцы просили включить в общую массу долгов Горбунова (т.е. всего 791 р. 68 к.). Внимательно изучив законодательство, начиная с Соборного уложения, ратуша 28 июня 1828 г. постановила вызвать обеих наследниц для выяснения их решения о принятии на себя платежа оказавшихся долгов, а в случае их несогласия – об аукционного продаже всего оставшегося движимого и недвижимого имущества через Московское губернское правление и ратушу посада. Протокол был подписан того ж числа. Таким образом, в деле о судьбе имущества мещанина Горбунова были задействованы полицейская часть, ратуша, Московское губернское правление, столичные газеты.

Итак, для официальной реализации прав наследников при отсутствии письменных распоряжений (завещаний) претенденты должны были подать прошение о вводе во владение в определенный законами срок и предоставить поколенную роспись, заверенную свидетелями. Ратуша производила опись и оценку оставшегося имущества, затем передавала его на хранение претенденту под расписку. Далее, через публикацию объявлений в столичных газетах, производились поиски других возможных наследников, а также кредиторов и должников. При появлении последних внимательно изучались представленные документы, в противном случае долги не признавались. Далее выяснялся вопрос о возможности удовлетворения поступивших и признанных законными исков – либо за счет наследника, либо за счет аукционной продажи имущества или его части. В случае необходимости, делались запросы в различные ведомства, велась переписка, согласовывались все действия. Оставшееся имение передавалось наследникам в определенных законами частях: четвертую часть вдове или вдовцу, остальное – кровным родственникам. Решение объявлялось публично – «при открытых дверях» с обязательной подпиской под ним заинтересованных лиц. Оно подкреплялось выписками соответствующих статей из законодательства, начиная с Соборного уложения. С наследника (или наслед-

ников) взыскивались пошлины, деньги за все сделанные расходы, а также за использованную вместо гербовой простую бумагу. Усложнившаяся процедура не мешала жителям посада реализовывать свои права, что говорит об умении использовать правовые нормы в собственных интересах.

Источники и литература

1. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 73. Оп. 1. Д. 15.
2. ЦГА Москвы. Ф. 73. Оп. 1. Д. 17.
3. ЦГА Москвы. Ф. 73. Оп. 1. Д. 64.
4. ЦГА Москвы. Ф. 73. Оп. 1. Д. 71.
5. ЦГА Москвы. Ф. 73. Оп. 1. Д. 89.
6. ЦГА Москвы. Ф. 73. Оп. 1. Д. 485.
7. Артамонова, Л.М. Традиционные и современные методы в исследовании культуры городского населения Самары в середине XIX века / Л.М. Артамонова, Ю.Н. Смирнов // Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы: материалы II Всерос. науч.-методолог. семинара. - Самара: СГАКИ, 2013. - С. 10-18.
8. Киприянова Н.В. Участие купечества в городском управлении в конце XVIII – первой половине XIX вв. / Н.В. Киприянова // Закон и право. - 2010. - № 9. - С. 49-58.
9. Киприянова Н.В. «Кто ж бабе не внук?» / Н.В. Киприянова // Родина. - 2010. - № 9. - С. 118-120.
10. Смирнов, Ю.Н. Переход с охранительных на реформистские принципы устройства Самарской губернии в первое десятилетие ее существования: губернаторы С.Г. Волховский и К.К. Грот (1850-е гг.) / Ю.Н. Смирнов // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации: материалы III Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. - Самара: СГИК, 2015. - Ч. 1. - С. 246-253.
11. Черкасова, М.В. Нотариальные архивы Самары в прошлом и настоящем (1870-2016 гг.) / М.В. Черкасова // Отечественные архивы. – 2017. - № 3. - С. 23-33.